

Премия имени
Владимира Гиляровского
представляет публициста

Саша Крутосветов

ПТИЦЫ

Интернациональный Союз писателей

Премия имени Владимира
Гиляровского представляет публициста

Саша Кругосветов

Птицы

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Птицы / С. Кругосветов — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2016 — (Премия имени Владимира Гиляровского представляет публициста)

Саша Кругосветов снова порадовал своих поклонников новой книгой. Теперь это сборник публицистических эссе «Птицы». Хотя публицистикой это в полной мере не является. Я бы сказал, что Кругосветов открыл новый жанр, который можно назвать «метафорической публицистикой». Он позволяет пронизывать ему свой текст сотнями аллюзий, и даже название, цитирующее Аристофана, здесь уже не столько название, сколько часть жанровой игры. Кругосветов изначально человек свободный, он шёл в литературу своим путём, построенном на опыте и наблюдениях, а не на чрезмерных экзерсисах. Эта свобода чувствуется на каждой странице книги, она в её построении, в сочетании тем, в свободе мыслиеизъявления, если угодно.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Кругосветов С., 2016
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2016

Содержание

Прекрасный птицевед	5
Предисловие	8
Часть 1	9
Читая Борхеса	9
Естественнонаучные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко	11
Научный институт новогоднего подарка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саша Кругосветов

Птицы

Прекрасный птицевед (о книге Саши Кругосветова «Птицы»)

Саша Кругосветов снова порадовал своих поклонников новой книгой. Теперь это сборник публицистических эссе «Птицы». Хотя публицистикой это в полной мере не является. Я бы сказал, что Кругосветов открыл новый жанр, который можно назвать «метафорической публицистикой». Он позволяет пронизывать ему свой текст сотнями аллюзий, и даже название, цитирующее Аристофана, здесь уже не столько название, сколько часть жанровой игры. Кругосветов изначально человек свободный, он шёл в литературу своим путём, построенном на опыте и наблюдениях, а не на чрезмерных экзерсисах. Эта свобода чувствуется на каждой странице книги, она в её построении, в сочетании тем, в свободе мыслиеизъявления, если угодно.

В авторском предисловии сразу ощущается глубина и культурологическая укоренённость замысла. Кругосветов кратко пересказывает сюжет аристофановских птиц, а потом резко, одним интеллектуальным метафорическим взмахом руки автора-дирижёра, переводит его на наше время, и оказывается, что вся аристофановская расстановка персонажей сильно смахивает на соотношение личностей и энергий в России недавнего прошлого. Также в предисловии Кругосветов даёт читателю зацепку, манок, что в тексте будет много приключений, что без фантастики не обойдётся. И это интригует изрядно.

Обыкновенно публицисты отталкиваются от каких-то событий и явлений и в своих текстах размышляют о них. Но Кругосветов не таков. Его Вселенная, его мир очень цельные, они весьма конкретны, их компоненты по большей части им же самим и названы, потому его публицистика оценивает и комментирует мир явлений в кругосветовской духовной галактике. И в части «Читая Борхеса» это очень заметно. Меня лично потрясло утверждение, что по настоящему время мы ощущаем лишь во сне. Мне казалось, что ровно наоборот. Но по Кругосветову время не линейно, и в этом есть вполне логичная правота. В снах время свободно от нас, а мы свободны от него. В части «Естественнонаучные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко» Кругосветов показывает себя как оригинальный исследователь литературного текста. В чём же оригинальность? Ну, во-первых, Кругосветов основывает своё литературоведение не на структурном анализе, как в последнее время делают многие, а на любви и увлечении литературой. Он совершает своеобразное скерцо вокруг текста, весело танцует около него, увлекая все элементы исследуемого текста в такую же увлекательную пляску. Конечно же, сразу же возникает вопрос: что общего нашёл Кругосветов в Кэрролле и Эко? Здесь необходимо прочитать книгу. Но только намекну, что Кругосветова интересуют в первую очередь парадоксы. И эти парадоксы связаны с течением времени, с его остановками и с авторской волей обустроить время в книгах не так, как он течёт в жизни. Думается, всё это Кругосветов делает для того, чтобы крепче связать читателя и текст, сделать его открытым, вытащить из него парадоксы и заставить мир принять их как аксиомы. То есть автор не только выглядит тут как литературовед, но и как рыцарь литературы, свято верящий в её первичность. Впечатляет и серьёзная работа с источниками, подобранными изысканно и мастерски. И неожиданность цитат, используемых как комментарии. Вот одно из ключевых мест: *В его поиске нет ничего кроме нонсенса. В этой бессмыслице нет смысла кроме самой бессмыслицы. Абстрактная, препарированная бессмыслица. Рабле – более человечен, Свифт – более суров и беспощаден. Доджсон – уникальный изобретатель веселого кошмара. Он живет во*

сне, параллельном обычной жизни. Раздвоение личности. Но без вмешательства inferнальных сил.

Часть «Научный институт новогоднего подарка» – это подёрнутое ностальгией воспоминание о жизни советской научной интеллигенции. Кругосветов не опускается тут до социальности, он пытается вывести на современную смысловую арену себя прежнего, тогдашнего, и понять себя во всём комплексе двоичности, по-новому оценить, мифологизировать и метафизировать те давние обстоятельства. Мне понравилось очень точно переданное сочетание иллюзий и безнадёжности, характерное для того времени.

Кругосветов – петербуржец. Город в его книгах всегда присутствует, то прячась за спиной автора, то диктуя определённые законы, то настраивая на свой возвышенный и строгий лад. Когда я читаю питерские инвективы Кругосветова, то поневоле вспоминаю начало 1 тома «Хождения по мукам». Казалось бы, ничего общего. Там Петербург 1914 года, а у Кругосветова город предстаёт совсем в другую эпоху:

«Скорей – на Невский проспект! Пройдут годы, и мы будем встречать завсегдааев, старожиллов Невского, а пока – вперед, вот они, случайные встречные, незнакомые наши братья и сестры, природа которых не знает правил приличий, природа которых всегда свободна и каждого одевает в свои откровения, всех нас, таких разнообразных: бурных, карикатурно флегматичных, сумасшедших, волосатых, кривоногих, возвышенных, отталкивающе напыщенных, ароматных, чувственных... и влюбленных, влюбленных, влюбленных, влюбленных».

Вы, наверное, уже поняли, как Кругосветов обращается со временем! С каждой страницей «Птиц» мы понимаем, что его не интересует хромотопная линейность, а занимает временная метафизическая суть. Ему важно не успеть за мигмом, секундой, он предпочитает зафиксировать, заметить те его следы, по которым можно ощутить привкус эпохи, её не фактологическую, а духовную историю. Питер для Кругосветова не только город, это средоточие мистики и непознаваемости будущего. Тот же смысловой дискурс переносится на те части, где описываются пригороды Петербурга, исторические? и волшебные. И из этих пригородов образ автора перелетает, действительно перелетает (тема полёта пришла в текст из снов, вернее, из пиетета автора перед ними) в Коктебель, в мекку воспоминаний о мечте преодолеть силу притяжения.

Вторая часть книги – эта череда отзывов Кругосветова на актуальные события современности. Но в них, при всем мудром аналитическом прищуре, узнаётся тот же комментатор-мечтатель, что и в первой части. В его коротких заметках немало иронии, встречаются даже нотки возмущения, но нет ни капли желчи и немотивированной злобы. Очень любопытна оценка Кругосветовым личности Бориса Березовского. Он не идёт на поводу у тех, кто огульно прокликает покойного олигарха, а пытается разобраться в причинах его взлёта, оценить его деятельность, выяснить, что в нем было настоящее, человеческое, а когда он играл по правилам жестокой своей эпохи и сам становился безжалостным и жестоким.

Занимательны аргументы, которые приводит Кругосветов в полемике с одиозным, давно уже всем поднадоевшим своей русофобией Магаршаком о роли Евтушенко в русской литературе.

Но особенно важны в общем контексте полёта и свободы статьи Кругосветова о нынешней ситуации на Украине. Вот ключевая цитата:

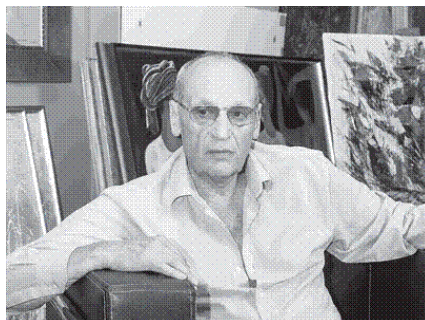
«От мужества, стойкости и выдержки пассионарных людей, бьющихся за интересы самопровозглашенных республик Донецка и Луганска, зависит сейчас не только судьба этих двух областей, жизнь и само существование населения этих областей. От их победы или поражения зависит судьба всей Украины. Судьба НАТО. Путь и дальнейшая жизнь Европы. Судьба и дальнейшая жизнь России. И, в какой-то степени, – путь, по которому дальше пойдут США. Эта маленькая гвардия пассионариев – среди которых, чего греха таить, есть разные люди, есть пена, бандиты, случайные люди, но есть и те, кто твердо решил с оружием

в руках защищать свои семьи, свою землю и свое достоинство, – от нее зависит очень многое. Если пассионарии победят – есть шанс изменить жизнь всей Украины. Если потерпят поражение – хаос, бесправие и война поползут дальше, как гангрена, вначале – Крым, потом – Ростов, потом – Москва, Петербург, далее – везде. У нас в России не все хорошо. Но я твердо могу сказать: нам в России не нужен Майдан, нам не нужна гражданская война».

Это действительно полёт, это мостик из снов в реальность, которая тоже не чужда полёту. Это превращение Петербурга из части европейского замысла в имперский российский оплот, это победа автора над тем, что мешает ему им стать. Суть книги «Птицы» – преодоления. Пусть «Птицы» Кругосветова подобно настоящим живым птицам преодолеют все свои небесные пути и долетят туда, куда надо.

Максим Замиев

Предисловие

Вспомним сюжет знаменитой комедии Аристофана «Птицы».

Афиняне Писфетер и Эвельпид, приходят к птичьему царю Удоду и его подданным.

Писфетеру удаётся убедить птиц, что их предназначение – править миром. Между небом и землёй строится птичий город Тучекукуйщина; птицы дают Писфетеру и Эвельпиду крылья, Писфетер становится правителем нового города и приводит в действие план, цель которого – отнять власть у олимпийских богов. Птицы перехватывают дым от жертвоприношений, которым питаются боги, уговаривают людей чтить птиц как новых богов и обещают им за это покровительство.

В новый город устремляются желающие поселиться в нём или просто извлечь там для себя выгоду. Среди них – Прометей, тайком рассказывающий Писфетеру о том, что олимпийские боги испуганы и шлют к Тучекукуйщине посольство для переговоров.

Наконец, прибывает само посольство – Посейдон, Геракл и некий варварский бог Трибалл. Писфетер заключает с ними мирный договор, вытребовав взамен царский скипетр Зевса – символ власти «над землёй и небом» – и дочь Зевса в жёны.

Эта история ничего нам с вами не напоминает? Заменяем имена афинян на имена известных олигархов и воров в законе, птичьего царя – на царя всея Руси, а имена богов – на имена президентов стран большой семерки, например. Название небесного града Тучекукуйщина тоже выглядит достаточно современно. Вполне можно вспомнить ревущие девяностые и сейчас уже без опаски посмеяться вместе с Аристофаном. Теперь ты понимаешь, мой читатель, почему я назвал сборник публицистических статей и эссе так же, как названа комедия Аристофана? Итак – «Птицы».

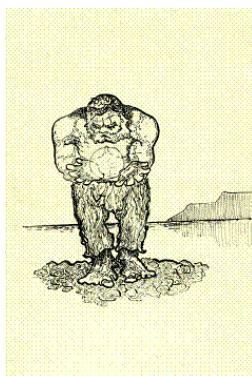
Но «Птицы» – это не только сатира. Птицы ведь летают. А летать всегда было главной мечтой человечества. Мы посетим с вами Планерское – место, где учатся летать, Комарово – рай на земле, там живут ангелы во плоти, летающие, конечно, тоже в чем-то птицы, и даже слетаем на Луну в НИИ новогоднего подарка. А чтобы нам не скучно было во время этих долгих путешествий, возьмем с собой веселые и умные книги Льюиса Кэрролла и Умберто Эко. Эти знаменитые писатели поучат нас летать, потому что они в гораздо большей степени птицы, чем люди. Захватим с собой еще и англичанина викторианской эпохи, который безумно любит Доджсона. Столп общества, солидный джентльмен – цилиндр, портфель, зонтик, бакенбарды – это днем. Ночью в его грудь врывается ветер, взрывает душу и сознание, выбрасывает на улицу, и в лунном блеске, раскинув бакенбарды-крылья, летит это абсолютно свободное существо выше крыш, выше труб, зонт превращается в помело, а цилиндр летит сам собой, поглядывая временами, чтобы хозяин не сбился с дороги... Приглашаю и вас полетать вместе с этим джентльменом.

Саша Кругосветов

Часть 1 Время

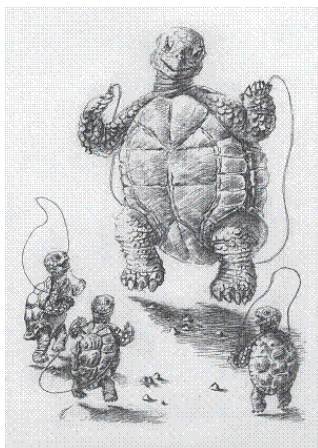
Читая Борхеса

Читая Борхеса «Другой», думаю о том, что мы все – повелители времени, «хронопы» в определении Кортасара, труслияки, в определении неизвестного автора «Морийских рассказов». Мы, так же как Хронос, сами управляем временем, а потому порождаем огонь, воду и воздух. Порождаем ли, доказать трудно, а что временем управляем...

Вспоминаем свое детство, отца, мать – переносимся в прошлое. Беседуем с собой в детстве, видим себя из сегодняшнего дня лучше, чем видели и понимали в те прошедшие времена. Можем долго там жить и не возвращаться в настоящее. Говорят, что воспоминания расплывчатые. Когда как. Бывает, сцены из прошлого на всю жизнь в голове застревают, бывают ярче, чем все сегодняшние переживания, вместе взятые. И в будущем мы тоже умеем жить, не ожидая, когда наступит это будущее. Строим планы, создаем образы, лепим будущее детей, своих близких, свое собственное. И когда будущее наступает, приходим в него во второй раз. Иногда получается не очень интересно – «я знал, что так будет, так оно и случилось». Совсем неинтересно.

Управлять временем нам мешает слишком умный, слишком активный, слишком самоуверенный мозг. Поэтому лучше всего мы управляем временем во сне, когда мозг спит и не мешает нашему «я» свободно плыть в реке времени. Можем пассивно лежать, дать потоку времени нести себя к неведомым берегам и спокойно наблюдать за естественной «сменой пейзажа». Можем упираться и плыть вперед к будущему. Такие люди опережают настоящее. Опережают свое время. Их признают, когда наступит «их время». Можем плыть против течения и постараться остановить время. Тогда можно сказать: «остановись мгновенье, ты прекрасно». Каких же сил стоит нам это остановившееся мгновенье. Ускоримся в своем движении против течения и вернемся в свое прошлое. Ненадолго. Пока хватает сил бороться с течением. А силы кончатся, и время успокоит – и первых, и вторых, и третьих. Не думай об этом. Пока ты жив, ты властитель времени. И сего дня. И прошлого. И будущего. Позабойсь только, чтобы дети продолжили твои дела. Были настоящими «хронопами». А не плыли по течению, как фамы и надейки Кортасара, или как бывальые и балбеи, морийские персонажи.

Естественнонаучные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко Несколько слов о том, как знаменитые ученые мужи умели всю жизнь оставаться детьми

*Одинокая ферма, море пшеницы,
Где спозаранку ветер резвится.
Счастлив, кому довелось здесь родиться.*

Льюис Кэрролл

4 июня 1862 года. Эта дата навевает нам воспоминания о старой фотографии. Солнечный день, каникулы. Скромный диакон тридцати лет, преподаватель математики Оксфордского университета (колледж Крайст Чёрч) в окружении чинных девочек. Дякона зовут Чарльз Лютвидж Доджсон. С этой даты начинают свои статьи многие Кэрроллоеды. Я не Кэрроллоед, просто очень люблю книги этого писателя. И я решил, что не буду исключением и тоже начну именно с этой даты.

Преподаватель небрежно чертит диковинные рисунки и рассказывает сказку, в которой все перевернуто вверх ногами. Она кажется нам более удивительной, чем буйные фантазии Ариосто о путешествии на Луну неистового Роланда и его гиппогрифа, чем приключения барона Мюнхгаузена и даже приключения Тартарена из Тараскона, которые появятся из-под пера Альфонса Доде несколько позже – в 1868 году.

Что же нового придумал этот скромный священнослужитель?

Начнем с того, что он заложил основы новой науки – математической логики. Но это – если пользоваться современной фразеологией – в рабочее время. А во время каникул? Когда он давал отдых своему уму, своему рассудку, своему здравому смыслу. Алиса в стране чудес, Алиса в Зазеркалье, Охота на Снарка, Сильви и Бруно. Английская писательница Виржиния Вульф пишет в своем эссе, посвященном книгам Льюиса Кэрролла: «Это мир сна, но это и мир снов. Они возникают без всякого усилия; перед нашим внутренним взором чередой проходят Белый Кролик, Морж и Плотник; они кружат, превращаются друг в друга, прыгают и скользят. Вот почему обе книги об Алисе – книги не детские; это единственные книги, в которых мы становимся детьми».

Так что же все-таки нового в этих книгах?

Автор воспекает его величество «нонсенс». Нонсенс ради нонсенса. Парадокс ради парадокса. Неологизм ради неологизма. Оксюморон ради оксюморона. Катахреза ради катахрезы. Каламбур ради каламбура. Это можно сравнить с искусством для искусства. Главная идея этого невероятного, неповторимого Кэрролла: некоторые рассуждения могут существовать в полной пустоте в силу собственной безудержной дерзости.

Член ученого совета Крайста Чёрча, «Дома», как его называют преподаватели и студенты. Рациональный, трезвый, религиозный, придерживающийся традиционных моральных принципов викторианской эпохи, принципов, которые невозможно поколебать. Он не давал себе воли и послаблений ни в морали, ни в общественной жизни, ни в философии. Истово верующий, он, тем не менее, не принимал христианский принцип: «и последние станут первыми, а первые – последними». Опутанный условностями, зажатый неколебимыми властью и законами, Чарльз Доджсон одним ударом разрубил пути разума. Как математик он понимал, что могут существовать системы, в которых «плюс» становится «минусом». Признавал иррациональность в математике, логике и словесности. Только в них, в логике, в математике, в словесности он давал каникулы своему разуму, отвергал разум, становился легкомысленным, беспеч-

ным, совершенно беспринципным и, как сейчас говорят, отвязным. Веселый задор математика. Как написал Г. Честертон в своей статье, посвященной столетнему юбилею со дня рождения Льюиса Кэрролла, «мыльный пузырь, выпущенный через соломинку поэзии в небо бедным Доджсоном в минуту просветленного безумия, потерял со временем легкость, но сохранил свои мыльные свойства». Мыльный пузырь его поэзии, его нонсенов, каламбуров, парадоксов... Его привольность сохраняла особую строгость и респектабельность. Несообразная сообразность или сообразная несообразность?

Напыщенный и щепетильный священнослужитель, его неукротимые сны, миражи и видения отрицают разум полнее, чем это делают самые неукротимые художники и поэты, не отягощенные ни принципами, ни совестью, ни благородными целями, смешивающие на палитре – слова, идеологемы, черные и белые краски, страхи, чувства, общественные нормы, черные и белые квадраты, кубы, клубы дыма, огонь и пепел чувств.

В его поиске нет ничего кроме нонсенса. В этой бессмыслице нет смысла кроме самой бессмыслицы. Абстрактная, препарированная бессмыслица. Рабле – более человечен, Свифт – более суров и беспощаден. Доджсон – уникальный изобретатель веселого кошмара. Он живет во сне, параллельном обычной жизни. Раздвоение личности. Но без вмешательства inferнальных сил.

Доктор Джекиль (Стивенсон) с помощью хирургической операции удаляет совесть; Доджсон ампутирует здравый смысл, голову.

Когда королева Виктория прочла «Алиса в стране чудес», она попросила принести ей все книги этого автора. И ей принесли стопку книг по математике.

Англичанин викторианской эпохи любит Доджсона. Столп общества, солидный джентльмен – цилиндр, портфель, зонтик, бакенбарды – это днем. Ночью в его грудь врывается ветер, взрывает душу и сознание, выбрасывает на улицу, и в лунном блеске, раскинув бакенбарды-крылья, летит это абсолютно свободное существо выше крыш, выше труб, зонт превращается в помело, а цилиндр летит сам собой, поглядывая временами, чтобы хозяин не сбился с дороги...

Нонсенс, бессмыслица, забава. Мы любим эти забавы. Поклонников у Льюиса Кэрролла бесчисленное множество. Казалось бы – нельзя заставить человека слушать бессмыслицу. Но мы внимаем Льюису Кэрроллу, который создает дух и атмосферу праздника.

Говорят, что в Англии есть экзаменационные вопросы:

1. Что такое «хрюкотать», «пыряться», «зелюки», «кисельный колодец», «квазичерепаховый суп»?
2. Нарисуйте диаграмму шахматных ходов партии «Зазеркалье».
3. В чем отличие Труляля от Траляля?

Льюис Кэрролл оказал прямое или скрытое влияние на О'Генри, Р.Киплинга, Джеймса Джойса, Ф. Кафку, Фрэнка Баума, Владимира Набокова.

Давайте вместе попробуем вновь ощутить первый кружащий голову восторг, когда нонсенс только родился.

Разберем смысл парадоксов и нонсенов, оксюморонов и каламбуров, других понятий абсурда в чистой и прикладной логике.

Нонсенс – высказывание, лишенное смысла, бессмыслица.

«Кто же может в Европе представить молчаливое буйство, учтливую решимость, приказывающую покорность и тому подобные нонсенсы, которые у нас теперь перед глазами». (П.В. Анненков «Письма к Тургеневу»)

«На тайну личности ученых, занимающихся андроидами, ему наплевать, а право андроида на тайну личности он полагает нонсенсом и катахрезой». (Стругацкие «Жук в муравейнике»)

«Все верлипупно. Но если картина лишь плюйная бряшка Истины, – мерзь! Искорнежим небесных мазков блестованье Начисто! Хоть и тужляется истово, ражливо Сердца ледец, – нет напованья на мира искровна рожденье». (Янош Эрдеи «77 ухмылок, рожденных поговорками»)

Нонсенс и смысл покончили со своим противостоянием и вышли в соприсутствие в двух вариантах: нонсенс поверхности и скользящий по поверхности смысл.

Парадокс – это положение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися нормами и мнениями. Можно сформулировать и так: парадокс – оригинальное, неожиданное высказывание, противоречащее самому себе, здравому смыслу или кажущееся нелогичным.

Классический парадокс брадоброя: «Одному деревенскому брадобрю приказали брить всякого, кто сам не бреется, и не брить тех, кто сам бреется. Кто бреет брадобрю? Если брадобрю не бреется сам, то он должен себя побрить, а если он бреется сам, то согласно второй части приказа, он не должен себя брить».

Парадокс «Крокодил и Женщина».

На берегу стояла египтянка с ребёнком. Неожиданно Крокодил выпрыгнул из воды и выхватил ребенка.

Женщина плакала, умоляла Крокодила вернуть ребёнка. Крокодил был растроган и тоже плакал (крокодилыми слезами, конечно).

– Я дам тебе шанс получить ребёнка, – сказал он. – Угадай, отдам я тебе его или нет. Ответишь правильно – верну ребёнка, неправильно – не верну!

Женщина подумала и ответила:

– Ты не отдашь мне ребёнка!

Крокодил ответил:

– Ты сказала либо правду, либо неправду. Если то, что я не отдам ребёнка, – правда, я не отдам его, так как иначе сказанное не будет правдой. Если сказанное – неправда, значит, ты не угадала, и я не отдам ребёнка по уговору.

Женщина убеждена в противоположном:

– Если я сказала правду, ты отдашь мне ребёнка по уговору. Если же я не угадала, что ты не отдашь ребёнка, то ты должен его отдать, иначе сказанное мною не будет неправдой.

Что же должен сделать Крокодил? Обещание внутренне противоречиво, поэтому оно невыполнимо в силу законов логики.

Парадокс слуги. «Прикажите слуге не слушаться Вас». Не слушаясь Вас, он ослушается приказа, так как он исполняет его, не слушаясь Вас.

Король неразрешимых парадоксов – высказывание Евбулита из древней Греции: «Я лгу». Если высказывание ложно, то говорящий сказал правду, и значит, сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а говорящий утверждает, что оно ложно, то это его высказывание ложно. Оказывается, таким образом, что, если говорящий лжёт, он говорит правду, и наоборот.

Парадокс Ахиллеса и Черепахи: Ахиллес никогда не догонит Черепаху – когда он пробежит расстояние до Черепахи, Черепаха отползёт ещё на некоторое расстояние, когда он пробежит это расстояние... и т. д. до бесконечности.

Парадокс всемогущего существа: Может ли всемогущее существо создать камень, который оно не сможет поднять?

Катахреза – неправильное или необычное употребление слов с сочетаний слов с несовместимыми буквальными лексическими значениями.

Примеры: самоварное золото, есть глазами начальство, зеленый шум, когда рак свистнет, разумная храбрость, пусть акулы империализма не протягивают к нам свои лапы.

Оксюморон – умная или остроумная глупость, сочетание слов противоположного значения (сочетание несочетаемого), способ разрешения неразрешимых ситуаций.

Примеры: обыкновенное чудо, праведная ложь, конец вечности, назад в будущее; вверх по лестнице, идущей вниз; горячий снег, живой труп, мертвые души, бесконечный тупик, свинцовый дирижабль (Led Zeppelin), оргия праведников (Blind Guardian), Старый Новый Год.

Кого позвать мне, с кем поделиться той грустной радостью, что я остался жив. (С.Есенин «Русь советская»)

Каламбур – литературный приём с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию.

Царство рифм – моя стихия, и легко пишу стихи я! Даже к финским скалам бурим обращаюсь с каламбуром. (Д.И. Минаев)

Я стал по твоей лишь вине топить свое горе в вине; и прежде служивший мне стих, струною оборванный, стих. (Д. И. Минаев)

Я сахар в чай не досыпаю и по ночам недосыпаю. Мне часто по ночам не спится, мне очень хочется не спиться... (А. Щebak-Жуков)

Рассмотрим примеры нонсенов и прочих нон- в книгах Льюиса Кэрролла. Начнем со «считалочки Алисы», с ее своеобразной таблицы умножения.

$$4 \times 5 = 12$$

$$4 \times 6 = 13$$

$$4 \times 7 = 14$$

Так я до 20 никогда не дойду, говорит Алиса. Последней строчкой ее «считалочки» будет: $4 \times 12 = 19$

Можно показать, что все эти арифметические равенства (высказывания) верны.

Первое равенство верно, если основание системы счисления 18. Затем в каждой следующей строчке основание системы счисления увеличивается на 3. Получается следующее.

$$4 \times 5 = 1 \times 18 + 2 = 12$$

$$4 \times 6 = 1 \times 21 + 3 = 13$$

$$4 \times 7 = 1 \times 24 + 4 = 14$$

.....

$$4 \times 12 = 1 \times 39 + 9 = 19$$

4×13 – хотелось бы получить 20, но получается $= 4 \times 42 + 10$ (в десятичной системе нет цифры «десять»)

Падение в кроличью нору

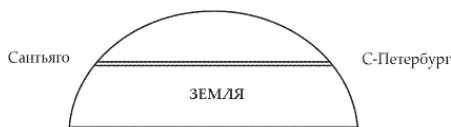
«То ли колодец был очень глубокий, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше.

Пролетая мимо одной из полок, она прихватила с нее банку с вареньем.

Алиса побоялась бросить банку вниз – как бы не убить кого-нибудь!»

Кэрролл Льюис касается обсуждаемой в популярной литературе тех лет проблемы – что будет с телом, брошенным в тоннель, проходящий центр Земли. Этой теме касались и Плутарх, и Фрэнсис Бэкон, и Вольтер. Но ответ был дан задолго до того Галилео Галилеем.

Если тело падает через тоннель к центру Земли, его скорость возрастает, а сила притяжения уменьшается. Тело долетит до центра Земли за 36 минут (если в тоннеле нет воздуха и если пренебречь кориолисовым ускорением). Будет ли человек падать, как Алиса в кроличью нору, или тихонечко спускаться, вес его будет уменьшаться, пока в центре Земли он не станет равным нулю. Так что это путешествие, если оно, конечно, возможно, будет для человека совершенно безопасным. При дальнейшем падении скорость тела будет уменьшаться, а сила притяжения возрастать. Пока оно не долетит до поверхности земли, но уже с другой стороны. Всего на этот полёт будет потрачено 72 минуты.

Стоит коснуться интересного предположения известного популяризатора физики и астрономии Фламариона. Если просверлить в земле совершенно прямой тоннель из Санкт-Петербурга в Сантьяго, например (как на рисунке), и пустить по этому тоннелю поезд, предварительно выкачав воздух, то поезд под действием силы тяжести будет сам разгоняться, а, пройдя середину тоннеля, начнет тормозиться и остановится как раз в Сантьяго, потратив на

этот путь 72 минуты без использования паровоза. Ровно столько, сколько потребуется падающему телу для полёта через центр земли.

Этот прием – падение сквозь землю – использовали многие авторы детских книг, например, Т. Баум («Дороги и мудрец из страны Оз») и Р. Томпсон («Королевская книга Оз»).

Пузырек «Выпей меня!»

«Напиток был очень приятен на вкус – он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие грелки с маслом».

Яркий пример несоединимого, одного из приемов нонсенса.

Горчица – минерал

«– Фламинго кусаются не хуже горчицы, – согласилась Герцогиня. – А мораль отсюда такова: это птицы одного полета!»

– Только горчица совсем не птица, – заметила Алиса.

– Ты, как всегда, права. Какая ясность мысли!

– Кажется, горчица – минерал, – продолжала Алиса задумчиво.

– Конечно, минерал, – подтвердила Герцогиня. – Минерал огромной взрывчатой силы.

Из нее делают мины и закладывают при подкопах... А мораль отсюда такова: хорошая мина при плохой игре – самое главное!

– Вспомнила. Горчица это овощ. Правда, на овощ она совсем не похожа – и все-таки это овощ.

– А мораль отсюда такова: всякому овощу свое время. Или попроще: никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем, будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя быть».

Как тут комментировать? – фонтан нон-сенсов и каламбуров, и никакой логики, воинствующая алогичность.

Школа Черепахи Квази (Как бы), черепахи с телячьей головой

«– Четыре действия арифметики: Скольжение, Причитание, Умиление и Изнеможение.

– Я о «Причитании никогда не слыхала, – рискнула заметить Алиса.

– Что такое читать, надеюсь, ты знаешь?

– Да, – отвечала Алиса неуверенно, – смотреть, что написано в книжке и... читать.

– Ну да, и если ты при этом не знаешь, что такое причитать», значит, ты совсем дурочка.

– А что еще вы учили?

– Были у нас Рифы – Древней Греции и Древнего Рима, Грязнописание и Мать-и-мачеха.

И еще Мимические опыты; мимиком у нас был старый угорь. Он же учил Тригонометрии, Физиономии.

Мы с моим учителем, крабом-старичком, уходили на улицу и целый день играли в классики. Какой был учитель, настоящий классик! Он учил Латуни, Драматике и Мексике.

– А долго у вас шли занятия?

– Это зависело от нас. Как все зайдем, так и кончим. Занятия почему так называются?

Потому что на занятиях мы у нашего учителя ум занимаем... А как все зайдем и ничего ему не оставим, так и кончим. В таких случаях говорят: «Ему ума не занимать»...»

Каскад каламбуров – без комментариев.

Учителя – черепаху с прутиком – звали спрутиком – без комментариев.

Обязательные предметы Чихали и Пищали – чушь несусветная, а весело и даже смешно.

Бармаглот

Воркалось. Хливкие шорьки
Пырялись на нове.
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в нове.

Сама Алиса сказала об этих стихах: «Они наводят на разные мысли, хотя и неясно – какие».

Ну и наконец, **Черный Король**, здесь есть, о чем поговорить (*я немного сократил этот диалог, но смысл его остался неизменным*).

«В лесу неподалеку кто-то громко пыхтел, словно огромный паровоз.

– Это всего-навсего Черный Король, – сказал Траляля. – Расхрапелся немножко!

Милый, правда?

– Так можно и голову отхрапеть! – заметил Труляля.

– Ему снится сон! – сказал Траляля. – И как, по-твоему, кто ему снится?

– Не знаю, – ответила Алиса. – Этого никто сказать не может.

– Ему снишься ты! Если бы он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

– Там, где я и есть, конечно.

– А вот и ошибаешься! – возразил с презрением Траляля. – Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне. Если этот вот Король вдруг проснется, ты сразу же – фьють! – потухнешь, как свеча!

– Ну, нет. И вовсе я не потухну! К тому же если я только сон, то кто же тогда вы, хотела бы я знать?

– То же самое, – сказал Труляля.

– Самое, самое, – подтвердил Траляля. Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась.

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Не кричите, а то вы его разбудите!

– Тебе-то что об этом думать? Все равно ты ему только снишься. Ты ведь не настоящая!

– Нет, настоящая! – крикнула Алиса и залилась слезами.

– Слезам делу не поможешь. О чем тут плакать?

– Если бы я была не настоящая, я бы не плакала – сказала Алиса, улыбаясь сквозь слезы: все это было так глупо.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это настоящие слезы? – спросил Труляля с презрением».

Высмеивается известный метафизический спор о сне Господа. Траляля и Труляля выражают точку зрения епископа Джорджа Беркли, считавшего, что все материальные предметы, включая нас самих, просто сняты Господу. Алиса возражает в духе Сэмюэля Джонсона, любимого ученика Беркли, здраво полагавшего, что, пнув ногой большой камень, он может опровергнуть тезис Беркли.

Здесь есть еще одна скрытая тема. Алиса видит во сне Короля, который видит во сне Алису, которая... – своеобразный пример бесконечной последовательности, словно два зеркала, поставленный друг перед другом. Это напоминает известный рисунок: толстая дама рисует художавую, которая в свою очередь рисует толстую...

Назову третью проблему, затронутую этим забавным, шуточным текстом. В «Сильви и Бруно» рассказчик объясняет это напрямую: «Либо я увидел Сильви во сне, а то, что проис-

ходит сейчас со мной, – реальность. Либо я действительно видел Сильви, а то, что происходит сейчас, – только сон! Неужто и Жизнь – всего лишь сон?»

Льюис Кэрролл, он же – Чарльз Доджсон, навевает нам чудесные сны. Сны, равно интересные и взрослым и детям уже в течение полутора веков. Я хотел бы закончить эту часть эссе последними строками «Алисы в Зазеркалье»:

Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?

Давайте сделаем скачок вперед на 150 лет и окажемся в начале XXI века. Другой ученый – философ, историк-медиевист, специалист по семиотике, литературный критик, филолог, лингвист и... – в свободное время! – один из крупнейших писателей современности, Умберто Эко! Любитель нонсенсов, парадоксов – в логике и истории, создатель первых эпопей о поисках чаши Грааля тамплиерами, спроецировавший эти поиски на экран нашей современности задолго до Дэна Брауна. Мы не будем сейчас этого обсуждать – это отдельная большая тема. Будем говорить об Эко, как о создателе **Академии ненужных наук**, он же – Университет сравнительных ненужностей. Его задача – подготовка кадров для исследования новых ненужных научных проблем (НННП).

С факультетами у Эко, пожалуй, не все в порядке – структура учебного заведения изложена в «Маятнике Фуко» временами сумбурно. Я попробовал привести в систему идеи Эко, вот, что получилось. В этой Академии четыре отделения беспредметных изысканий, умствований:

ненужных (неприкладных)
неважных (несущественных)
невозможных (несусветных)
несовместимых (парадоксизмов)

В Отделении **ненужных** умствований (ка-копрагмософии) вырабатываются новые неприменимые научные проблемы, знания и умения, разрабатываются глубинные основы ненужности, воспитывается тяга к ненужностям. Классическими предметами этого отделения являются:

пилокотовасия – «искусство быть на волосок от»,
супосекция – технология нарезания супа,
механическая предкоавгурация (автоматы для поздравления с днем рождения двоюродных, троюродных, десятиюродных и т. д. дядюшек и тетушек, для поздравления тетушки человека, покушавшегося на вождя готтентотов, например).

Сущность наук состоит в выявлении глубинных оснований их ненужности.

Это подготовительный факультет, он воспитывает в учащихся склонность и тягу к ненужностям.

Достижения очень важного отделения **неважных** изысканий у Эко, к сожалению, не рассмотрены. Чтобы изложение было полным и системным я дам свои предложения, перекликающиеся с некоторыми идеями Лемюэля Гулливера, посетившего Лагадо:

– влияние стрижки ногтей на деторождение;
– влияние направлений ветра, господствующих в стране, на количество гласных в языке;
– влияние почерка на отношения с соседями.

Кстати, вот разница. Эко описывает несусветность и нонсенсы науки с восторгом.

Лэмюэль Гулливер (а значит и Джонатан Свифт) в своих записках о путешествиях в Бальнибарби и Лапуту высказывался об Академии в Лагадо весьма иронично и даже неприязненно. Он пишет о том, что в Лага-до сеют соль, пытаются доить кур, носят свет в мешках, загоняют лошадь в хомут, вместо того, чтобы надеть на нее, впрыгивают в штаны, пилят сук, на котором сидят...

Основные научные силы Академии собраны в отделении **невозможных (несусветных)** проблем. Главная задача отделения – выявление глубинных оснований невозможности, в особенности – эмпирической (опытно доказываемой) невозможности. Молодому исследователю очень важно привить тягу к разрешению проблем невозможности. Академия ненужных наук доказывает, что все невозможное – возможно. И, более того, невозможное – необходимо.

Вот перечень тем (предметов) исследования этого отделения:

цыганская урбанистика, коневодство у ацтеков, история хлебопашества в Антарктиде, живопись острова Пасхи, современная шумерская литература, самоуправление в специнтернатах, ассиро-вавилонская филателия, колесо доколумбовых цивилизаций, фонетика немого кино.

Сущность наук состоит в выявлении глубинных оснований их невозможности.

Надо еще коснуться **несовместимости**, которая в отличие от несусветности, эмпирической невозможности, представляет собой терминологическую невозможность. Направление оксюмористики. Оксюморон близок к парадоксу, с одной стороны, и к катахрезе (переносному значению), с другой. Он пытается совместить обоюдно противоречивые предметы, вскрывает противоречия в явлении, передает динамику мышления и бытия. Оксюморон может быть стилистической фигурой речи, а может быть и стилистической ошибкой.

Революционные постановления, Гераклитова статика, спартанская сибаритика, учреждения народной олигархии, история новаторских традиций, психология мужественных женщин, диалектика тавтологии, Булева эвристика.

Герои Эко говорят о том, что лучше бы им не обнародовать этот проект. Потому что, как только о проекте станет известно, к ним повалит народ и захочет публиковаться по этим темам. Идеальная модель науки! Не скрывающей своей ненужности. Науки, доказывающей необходимость невозможного. Абсурд? Нет! Нет, совсем не абсурд. Именно этим и должна заниматься реальная наука – доказывать ненужность возможного и делать невозможное возможным и нужным.

Поговорим еще немного о современном движении – **Парадоксизме**, основанном на использовании парадоксов в науке и творчестве. Одним из его положений является: «Нет бессмысленных высказываний. Любое бессмысленное высказывание имеет смысл». Например: «Человек создан для счастья, как пингвин для полета». И наоборот – «Любое осмысленное высказывание не имеет смысла». Лозунг этого движения: «Всё возможно, невозможное – тоже». Неплохо бы нам примкнуть к этому движению. Будем переводить невозможное в возможное, преобразовывать ненормальное в нормальное, объяснять необъяснимое. Подумаем о том, как важно стремиться к невозможному.

Напоследок попробую развеселить вас примерами забавных парадоксизмов Андрея Кружнова:

На лежащем камне сидеть удобно.

Сколько нос в чужое дело ни суй, оно твоим не станет.

Сколько волка ни корми, не прокормишь.

Зри в корень, но не будь червём.

Не в коня корм, а в кого?

Весь мир театр, и каждый ждёт заглавной роли.
Весь мир театр и люди в нём актёры. А зритель кто?
Сколько верёвочке не виться, а из рук её никто не выпустит.

А закончить я хочу опять словами Льюиса Кэрролла.

Хоть легкая витает грусть
В моей волшебной сказке,
Хоть лето кончилось, но пусть
Его не блекнут краски,
Дыханью зла и в этот раз
Не опечалить мой рассказ.

Литература

1. Вирджиния Вулф. Льюис Кэрролл. 1939 г.; опубликовано посмертно ее мужем Леонардом Вулфом в сборнике “”Мгновение” и другие эссе”. 1948.
2. Г.К. Честертон. Льюис Кэрролл. Предисловие к «Алисе в стране чудес».
3. И.Л.Галинская. Льюис Кэрролл и загадки его текстов.
4. Умберто Эко. Маятник Фуко.
5. Парадоксизмы Андрея Кружнова.

Научный институт новогоднего подарка

Восьмидесятые годы – штиль. Когда живешь счастливо, кажется, что вокруг ничего не происходит. Какое нам дело до событий в стране? Живем своей жизнью, дышим полной грудью.

Работаю в Академии. Работа интересная. Молодость, иллюзии, чудные заблуждения о перспективах нашей страны, нашей науки, о собственных перспективах...

Работали много, но и отдыхать тоже умели.

Шутки... Наши шутки... Вышедшие из инженерной среды. Как они похожи на юмор сверстников из-за океана. Зачитываемся книгами: «Физики шутят», «Физики продолжают шутить», «Закон Паркера», «Закон Паркинсона». «Все, что должно испортиться, испортится обязательно». «Все, что не может сломаться, обязательно сломается». «Если тебе кажется, что у тебя все в порядке – значит, ты чего-то не знаешь». «Если дела идут из рук вон плохо, не волнуйся – завтра будет еще хуже».

Смеялись, вспоминая прочитанное в книгах, написанных «за кордоном». «Обсуждение затрат на строительство синхрофазотрона, стоящего несколько десятков миллионов долларов, прошло очень быстро, все статьи расходов приняты без обсуждений и единогласно. Строительство навеса для велосипеда вызвало всеобщий интерес, многие статьи сметы вызвали критику и были пересмотрены. Выделение средств для бесплатных бутербродов персоналу вызвало шквал безжалостной критики, обсуждение заняло более часа». Очень похоже на нашу советскую жизнь. Дело, значит, не только в совке.

У нас появлялись собственные шуточные инженерные «законы».

«Получив срочное поручение, не спеши его исполнять, отложи в долгий ящик – через неделю необходимость в этой работе может отпасть».

«Сложность цифровой аппаратуры определяется числом разработчиков и временем, выделенным для разработки, и не зависит от выполняемых ею функций».

Несмотря на шуточный характер этих «законов», они часто подтверждались на практике.

На праздники у нас, конечно, были застолья. Но главное – интересные, талантливые, веселые капустники. Все мы были актерами, певцами, танцорами, художниками, сочинителями...

«Ракета прилунилась и мы весело запрыгали к зданию НИИНОВГОДПОДа, уютно расположившемуся в центре небольшого кратера.

НИИНОВГОДПОД – это научно-исследовательский институт Новогоднего подарка, играющий важную роль в древней лунной цивилизации дедов-Морозов. Изучение опыта этой цивилизации и являлось целью нашей командировки.

Известно, что деды Морозы и снегурочки в течение столетий толпами посещали Землю, спускаясь на летающих блюдах. Правда, их перемещения мало кто видел, но это объясняется исключительно тем, что деды Морозы со своими спутницами посещают Землю только лишь в новогоднюю ночь, а в это время людям некогда глазеть по сторонам – у них, то есть у нас, свои заботы»

«По коридорам в клубах табачного дыма бродили молодые Деды – специалисты из комплексных групп. Их лица были мрачны. Впереди очередная авральная командировка на Землю. Только что они говорили с начальством о своем желании заняться исследовательской работой – увы, тщетно! Институт – прикладной, и выполнение плана по подаркоразносу куда важнее модных научных изысканий в области теории массового обслуживания».

Перефразируя текст из книги «Физики шутят» про университет в Милане, советские инженеры сочинили сообразный их собственной действительности документ:

«Население СССР – 270000000

В том числе:

Старше 65 лет – 54000000
Моложе 18 лет – 71000000
Неработающие женщины – 86000000
Остается для трудовой деятельности – 59000000
Студенты университетов – 1275000
Служащие различных учреждений – 27830000
Безработные, деятели политических партий и профсоюзов – 9380000
Военные – 4850000
Остается для трудовой деятельности – 15665000
Больные, сумасшедшие, бродяги, продавцы телевизоров, завсегдатаи
ипподромов и казино – 7965000
Неграмотные, артисты, судьи и т. д. – 6820000
Отшельники, философы, фаталисты, жулики и т. д. – 650000
Остается для трудовой деятельности – 230000
Министры, депутаты, партработники, заключенные – 229998
Остаются для трудовой деятельности – 2

Кто эти двое? **Я и ВЫ.** Пусть эта трагическая действительность послужит для нас сигналом тревоги, вызовом нашему мужеству, источником новой энергии. Мы должны работать с максимальным напряжением сил, особенно **ВЫ**, потому что **Я** устал, выполняя свой долг перед страной в одиночку».

Занимаемся разработками перспективных промышленных сетей, которые должны стать основой будущих производственных систем. Советская империя борется, чтобы не отстать, чтобы двигаться вперед. Живем иллюзиями. Еще нам всем кажется: что-то можно сделать. Получается неважно. Нет современной микроэлектроники. Быстро растет отставание компьютерной техники. Нарастает ощущение растерянности. Но по инерции...

Все еще пытаемся не останавливаться, пытаемся выйти из тупика.

Доводилось встречаться с руководством Академии. До 86-го ее возглавлял физик, трижды Герой Соцтруда Анатолий Александров. Хотел посоветоваться с нами, молодыми учеными, по закупкам компьютеров. Начал так: «Вы, наверное, будете меня ругать, но я заказал компьютеры...» И дальше – каких и сколько. Мы будем его ругать... Фантастический человек. Беседовал с нами на равных. Чем крупнее масштаб личности человека, тем он проще и доступнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.